

Василий БЕЛОВ

НАД ПРАХОМ В ПРИЛУКАХ

Печальный Батюшков —
во мгле
В земле своих Прилук...

С. И. МАРНОВ

Но вначале он не был печальным.

Поэзия Константина Батюшкова напоминает полумглу белой северной ночи, ее таинственный и радостный свет, проникающий в зеленые травы и спящие дома деревень. Предугадывая появление скорой зари, поэт словно бы забавляется своим дарованием, и, когда взошло солнце Пушкина, он сжигает свой литературный архив...

Веселость Анакреона, однако ж, была развеяна задолго до этого, она смешалась с дымом Отечества. Однажды, размышляя о судьбе Ломоносова, Батюшков заметил, что «бедствия не всегда убивают талант: напротив того, они пробуждают в душе множество прекрасных свойств и знакомят ее с собственными силами». Только ведь бедствия бедствиям рознь. В начале октября 1812 года Батюшков писал другу П. А. Вяземскому:

«Москвы нет! Потери невозвратны! Гибель друзей, святыни, мирное убежище наук — все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чем основать надежды?»

Действительно, на чем основать надежды, если даже глава Ивана Великого качнулась и дрогнула от страшного взрыва? Батюшков всерьез думал, что «все утратило в жизни, кроме способности любить друзей своих», что его дарование «погибло в шуме политическом и в беспрестанной деятельности». (Он называл деятельность воинские сражения.) Дело было не в собственных ранах и личных тяготах. В послании к Дашкову поэт начисто отвергает прежний строй души, он не в силах забыть, как

Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил...

Он не разрешает и друзьям забыть о том, что остались одни угли, прах и горы камней, где раньше были

...здания величавы
И башни древние царей,
Свидетели проtekшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их...

Самое беззащитное у человека — это его могила. Может быть, еще и поэтому Николай Рубцов просил похоронить его рядом с Батюшковым...

Константин Николаевич Батюшков лежит, защищенный бело-розовыми стенами Прилуцкого монастыря, ворота которого были закрыты несколько десятилетий. Скромный памятник сохранился, хотя и был повержен в свое время. Говорю об этом потому, что новейшее святотатство, бесцеремонно ступающее по нашей земле, имеет свои традиции. Вспомним о том, как был потревожен прах Н. В. Гоголя, как останки Сергея Радонежского показывали в музее, как искали золото в соловецких могилах. Перепаханные сельские, разрытые городские, затопленные воинские захоронения — разве не на совести нашего и ближайших к нашему поколений? И приходится лишь удивляться, как же она живучая, эта «эстетика» гробокопателей, если она проникает нынче даже в некоторые виды искусства!

Многое помнят Прилuki. Батюшков знал о захватчиках Смутного времени, которые здесь, в монастыре, заживо сожгли пятьдесят девять монахов. Знал и еще о многом. Не мог он только знать, что произойдет здесь в 1930 году...

Нельзя не вспомнить в Прилухах о двух великих современниках Батюшкова, как бы обрамляющих его имя в истории нашей литературы, — о Гавриле Державине и Александре Пушкине. Случайно ли то, что один лежит в Вологде, второй — в Новгороде, а третий — в псковской земле? Не знаю, может, это и не совсем случайно.

Державин благословил юного лицеиста на великое служение русскому слову. Аполлон дал ему чуткое ухо — сказал о Пушкине Батюшков. Поэтический слух самого Батюшкова ни у кого не вызывает сомнений, хотя поэт и не сказал всего, что мог бы сказать. Страдания и болезни, вызванные войной, остановили его на литературной стезе.

«Сказан поход — вдали слышны выстрелы», — молвят он на одной из бывущих стоянок. Выстрелы Мартынова и Дантеса осиротили отечественную литературу, это произошло еще при жизни печального Батюшкова. Что он подумал, когда услышал звуки тех, уже не военных выстрелов? Об этом можно только гадать, стоя над излучиной реки Вологды, под этими белыми башнями...